

УДК 82.0 (470.6)

ББК 83.3 (235.7)

А 13

И.Х. Шадова

Из истории создания романа-тетралогии «Горцы»

(Рецензирована)

Аннотация:

Данная статья посвящена предыстории и истории создания первого романа-тетралогии «Горцы» Аскербии Тахировича Шортанова – самого крупного эпического произведения в кабардинской литературе II половины XX века. В ней в сравнении рассматриваются первые главы задуманной А. Шортановым книги «Шора» и последующие издания первой исторической книги романа 1954 и 1976 годов выпуска.

Сравнение первого и второго изданий первой книги и последующих трех книг «Горцев» даёт основание заключить, что переработанные и последующие тома романа выгодно отличаются от первого как по художественным достоинствам, так и по соответствию описываемых в романе действий реально имевшим место историческим событиям.

Ключевые слова:

Исследование, фольклоризм, интерпретация, язык художественного произведения, художественный портрет, характеристика.

В первых двух публикациях произведения – части «Шора» и первой книги романа «Горцы» – действие начинается с рассказа о болезни Шоры, сына уорка из аула Джицу (Юца) Бекмурзы Ногма. Эпиграфом к изданию 1954 года автор сделал изречение Шоры Ногмова, однако в последующей публикации в альманахе и в издании «Горцев» в 1976(8) году он опустил эпиграф.

В третьей части «Шоры» бейголь (слуга, сопровождающий уорка) Мыко направляется в крепость, чтобы хитростью вернуть домой крепостного Бота, и по пути встречает идущего с рыбалки Прохора. Гостя принимает сам Прохор. В романе же «Горцы», в обоих изданиях, его встречает и беседует с ним супруга Прохора Марья Федоровна.

Как следует из документов XIX века, жесткие адыгские обычаи не позволяли адыгской женщине разговаривать с посторонними мужчинами [1, 452]. В таком случае не слишком этично выглядит то, что русская женщина могла принять адыгских мужчин, (кабардинцев, не христиан), разговаривать с ними и угощать русской водкой.

В главе «Шора» Шортанов упоминает первого восходителя на гору счастья Ошхамахо (Эльбрус) Чилияра Хаширова, называя его

«Кыллар», однако в двух последующих изданиях меняет его на «Чилляр». Примечательно, что имя «Киллар» упоминается в отчете А.Я.Купфера о восхождении на Эльбрус [2, 191].

Верным следует считать, скорее всего, вариант «Чилляр», так как прошение сыновей Хаширова начинается словами: «Покойный отец наш, Килляр...» [1, 329].

Иных несоответствий, не считая переставленные главы, в упомянутых изданиях не встречается.

Говоря о различиях в первом (1954) [3] и втором (1976/8) [4] изданиях, следует обратить внимание на следующие особенности. В начале первой главы мы узнаем о болезни героя – молодого уорка Шоры Ногма. Здесь же читаем о зарождении игры «унеси шапку» еще во времена скифов и сарматов. Правда, унести могли порой не шапку, а голову. К этой старинной традиции автор привязывает неприятную историю, случившуюся с князем Аслангерием. Наведался к нему как-то приятель Тлостанбек Каноко. Молодые князья отправились в поход и отсутствовали месяц. На обратном пути, когда были они близко к дому, Тлостанбек шутки ради сорвал с Аслангерия шапку – и был таков, ни всадник, ни пуля не смогли его догнать. Уз-

нал о случившемся отец Аслангерия и задумал во что бы то ни стало защитить честь сына. Канноко был в очередном походе, когда князь со своими людьми напал на его аул и отбил шапку, не пощадив при этом людских жизней.

Несовместимо с адыгским кодексом чести (хабза), чтобы один князь без какой-либо причины или без цели состязания сорвал с другого князя шапку. Налицо явная надуманность. Кроме того, у кого же отбили украденную шапку, если вор был в походе? Князь Аслангерий возвращается в аул в шапке своего сопровождающего Мыка. Но для князя было позором появиться в шапке бейголя. Головные уборы господ и их вассалов имели отличительные особенности, и незамеченным такой факт не мог остаться. Эта история не попала в издание 1976–1978 гг.

В издании романа 1954 года подробно описывается обряд щлопшаклуэ (отвлечение больного от болезни шумом и весельем). Произведение рассчитано на взрослого читателя, которому вряд ли требуется подобное пространное объяснение значения этого действия.

Автор уточняет, что отец красавицы Салимат Хаджи-Исмел является турком по национальности. «Вряд ли он гордился священным Кораном так, как своей дочерью», – утверждает автор. Однако на всем протяжении романа мы наблюдаем иное: превыше всего Хаджи-Исмел ставит религию, его главное оружие – вера и Коран.

В первом варианте «Горцев» Шортанов описывает встречу выманенного обманом из крепости Моздока крепостного Бота с своим князем Аслангерием. Он (Бот) вскочил в седло и направил коня грудью на князя. Однако он пишет: «Он (Бот) был преклонного возраста». И как же пожилой человек, вырвавшись из рук бейголей Аслангерия, проявил такую прыть?! Смелость, конечно, возраста не имеет, но все же... [4, 55].

Далее три страницы отведены отношениям Российского государства и Турции. Столь пространное пояснение допустимо разве что в учебнике истории.

Здесь мы читаем жизнеописание проживавшего за Терекком князя Кургоко, сына Каншокова. По версии автора, великий князь Кабарды Кейсин Кетуков всячески притеснял Кургоко, изводя его постоянными набегами с

пленением его людей. Кургоко отправляется в Петербург, становится сторонником Екатерины «и всеми силами способствует приходу Екатерины на царский трон».

Историк Чалимат Карданов пишет: «В XVIII веке в Малой Кабарде проживало князей рода Джиляхстана двадцать два. Но не было среди них верховного князя, способного подчинить себе других и привести их к согласию. Вероятно, это послужило поводом к обращению князей к Елизавете Петровне с просьбой защитить их от насилия, чинимого князьями Большой Кабарды Жамболатом Кейтуковым, Баматом Кургоковым, Касеем Хатажукиным» [5, 462].

Нет сомнения, что именно по этой причине князь Каншоков Кургоко покинул Джиляхстаней, извечную землю обитания своего княжеского рода, и в 1751 году переселился в Моздок, а в 1759 году принял христианство.

В 1760 году Кургоко прибыл в Петербург, где получил приглашение от Елизаветы Петровны. Осенью того же года он вернулся в Кизляр. 9 октября 1762 года Сенат направил Екатерине Второй доклад, в котором отмечалось, что Сенат выдал разрешение на поселение близ крепости Моздок Каншокову Кургоко и его крестьянам.

В декабре 1762 года Кургоко был вызван в Петербург, где он присягнул на верность императрице. В Коллегии иностранных дел ему зачитали высочайший приказ о разрешении проживать под Моздоком [5, 462-463].

Для прояснения некоторых неточностей нам пришлось обратиться к книге Чалимата Карданова «Родословная кабардинских князей».

Из романа «Горцы» следует, что князя звали Кургоко, сын Каншоко. На самом деле верно – Каншоков Кургоко. Терроризировал Кургоко Жамболат Кейтуков, а не Кейсин (это имя не встречается ни в одном источнике). Екатерина II и вправду оказала содействие князю Кургоко, но нигде нет сведений о каком-либо участии самого князя в приходе императрицы на трон.

Крепостной крестьянин князя Аслангерия Бот, обманом выманенный из Моздока, во время избиения плетью кричит: «Братья, там, где я был, таких князей в колодах отправляют в Сибирь» [3, 63].

Бот никак не мог сказать таких слов по простой причине: во время Русско-Кавказской войны монархическая власть в России была еще прочна, а до революции, отправлявшей господ на каторгу, было еще далеко. Здесь писатель несколько забежал вперед.

Из второго варианта «Горцев» исключена четвертая глава, хотя в первом варианте она занимала несколько страниц (с 67 по 98).

В этой главе рассказывается о нелегкой участи учеников медресе – сохста. В ауле голод, и они вынуждены с нищенской чашей на шее ходить от дома к дому в поисках пропитания. Зачрей говорит Шоре, что сохсты осмелились жарить жертвенные лакумы на помин души убитого крепостного Бота. Но приказ не оказывать усопшему полагающихся ритуальных почестей исходил от князя Аслангерия и Хаджи-Исмела, его, «гяура», даже не позволили схоронить на аульском кладбище. И в то же время учащиеся медресе идут на подобное ослушивание. Мог ли Хаджи-Исмел допустить такое?

Шора не был заступником бедных и революционером, как пытается показать нам писатель. Не имеют под собой почвы и описания встреч Шоры с прибывшими на Кавказ декабристами, во время которых он с сочувствием выслушивал и поддерживал их идеи, а также открыто высказывал свою позицию.

По книге Шортанова именно Шора более всех сочувствовал беде Батоко и его отца Бота. Поскольку это личность реальная, соответственно, нужно придавать ему реальные черты, не приписывая чужеродных свойств и поступков. Так, Шора не идет, а бежит в квартал крепостных, сочиняет гыбзу (плач) по покойному Боту, крепостные ему подпевают, затем вместе с ними он несет покойника к безымянному кургану и участвует в похоронах. После погребения он по-арабски пишет на деревянном могильном памятнике: «Доброго пути тебе, проезжающий всадник, если ты и спешишь, не оставь без внимания лежащего под этим курганом». Собравшиеся соглашаются с предложением Шоры назвать курган именем Бота: «Пусть будет на свете хоть один курган в честь крепостного крестьянина», – говорит он.

А. Шортанов описывает поступки, несовместимые с обликом молодого дворянина и с уорк хабза (кодексом чести уорка). И Шора не

мог и не имел права преступить эти незыблемые вековые законы. Уорки и другие дворяне не простили бы ему такой вольности, а он не смог бы в одиночку противостоять всему дворянскому обществу.

Ошибочным является также утверждение, будто Шора был отдан каном (в аталычество) некому Иссуфу. Шора относился к более низкому дворянскому сословию, в котором не принято было аталычество. Таким образом, Шора вырос и получил воспитание в своей семье. «У беслан –уорков (уорков второй степени) не практиковалось отдавать детей канам, и подобное отступление от общих законов князей-уорков удивляет и вызывает недоумение» [6, 57].

В главе девятой первого варианта романа на страницах 210-224 Степан Игнатьевич рассказывает о своей службе лекарем в военном поселении Чудово, о трудном житье в поселениях, о тирании поставленных над ними фон баронов, маркизов и графов. «Ехал на Кавказ и радовался, что не услышу более этих фонов и баронов», – признается Степан. Далее он вспоминает, как приезжал к ним в поселение император Александр I. Начальство готовилось к приему высокого гостя, на кухне готовились блюда, которых в обычные дни солдатам видеть не доводилось. В тот день прибыл и Аракчеев, известный на всю Русь своей жестокостью. По его приказу в поселениях чинилось насилие. Солдат били, калечили и даже убивали ни за что. Один из таких несчастных находился у Степана в лазарете. Батальонный ударил его ногой, и бедняга лежал с разрывом мочевого пузыря. Когда император вошел в палату, перед тремя больными стояла горячая еда. «Каждый день так кормят?» – спросил император. «Так точно, ваше величество, каждый день так кормят!» – соврал один из солдат.

Едва Его Величество отвернулся, жареную свинину, утятину и курятину убрали из палаты и быстро перенесли в другую, куда должен был зайти высокий гость. Так и носили еду по лазарету, а потом ее же и поставили на стол императору.

Клегенау не мог и дня прожить без рукоприкладства. После отъезда гостя он пьяным заявился в лазарет и до крови избил промолчавшего солдата. Но и этого ему показалось мало. С веревкой на шее несчастного протащи-

ли через сто розог. Наутро солдат отдал богу душу. Неделю спустя пришел приказ «о немедленном переводе на Кавказ» Степана Игнатьевича. Его должны были скоро представить к ордену, но Клегенау воспротивился: лекарь позволил себе заступиться на забитого насмерть солдата. Это, собственно, и послужило поводом к переводу его на Кавказ.

«Я знаю, кое-кто сильно желал моей смерти, но, по правде, Кавказ не так страшен, как малюют его некоторые белопогонные чины в Петербурге» [3, 224].

На наш взгляд, этот отрывок был бы уместен и во втором варианте романа, так как изложенное в нем – чистая правда. Нелишне было бы еще раз напомнить читателям, что полководцами в русской армии были немцы, и они нещадно издевались над бесправными солдатами. Истинной причиной ссылки Степана Игнатьевича на Кавказ была, пожалуй, не та, что предложена автором, а его связь с декабристами.

По прибытии на Кавказ Степана Игнатьевича навещает Михаил Рошин, который почитал его за отца. Присутствуют на этой встрече Шора, Дабеч, Зубер. Они тоже приехали навесить лекаря и привезли только что добытого на охоте медведя. Происходит оживленная беседа, в которой Степан Игнатьевич заступает за адыгов. «Черкесов нельзя винить в том, что они отстали от цивилизации, это не вина их, а беда. Пробудить надо народы Кавказа, пробудить! Тогда, поверьте мне, они уйдут вперед самых просвещенных народов Европы. Смышленный народ кавказцы, очень смышленный» [3, 222]. Степан обратил внимание, что Зубер увлекся живописью, хотя какого-то обучения не получил, что естественно. Наташа показала ему свои рисунки. Их разговор прервал окрик коменданта крепости Волкова. Он кричал на Дабеча. Тот решил: комендант гневается, что ему не помогают спешиться. Подбежал, чтобы придержать узду и стремя. Однако комендант прищпорил коня, думая грудью коня вытеснить Дабеча за ворота крепости. Тот понял намерение Волкова и одним рывком поставил коня на колени и пригнул его голову к земле. Не желая осложнений, вступает Степан и пытается замять скандал. Молча наблюдают солдаты, дивясь силе Дабеча и посмеиваясь над комендантом. Оставив добытого медведя солдатам, гости покидают крепость.

Этот отрывок, несомненно, был одним из самых удавшихся, но почему автор решил отказать от него во втором варианте – нам теперь не узнать. Читателю было бы интересно и полезно узнать побольше о нелегкой доле подневольных русских солдат, об отношении к горцам и войне передовых людей России вроде Степана Игнатьевича, о силе и мужестве настоящих горцев.

В новом издании «Горцев» мы не находим страницы из второй части десятой главы первого варианта, где повествуется о прибытии Ермолова в Тавриз послом к наследнику Аббасу-Мирзе. Желая продемонстрировать свою силу, персы встречают гостей пушечной пальбой со своих неприглядных берегов. Ермолова принимает паша Бюзрук. Столы у персов низкие, потому они подсаживаются к ним на подушках. Ермолов отказывается от подушки и велит принести его походный стул. По традиции своего народа Бюзрук подает красные чулки и мягкие чувяки. «Следует соответствовать тому, к кому идешь», – объясняет паша. Но Ермолов считает постыдным и унижительным для русского посла предстать перед персами в одних чулках. Настояв на своем, он предстает перед Аббасом-Мирзой в сапогах. После приветствия Аббас-Мирза отмечает про себя: «С этим держи ухо остро».

В новую книгу не вошли страницы 244-264 третьей части десятой главы. Здесь рассказывалось о том, как персидский наследник, желая похвастаться мужеством своего воинства, устроил перед русским генералом состязания. На проверку же заверения Аббаса-Мирзы в том, что каждый из этих всадников – готовый воин, оказались бахвальством, потому что они не были обучены воинскому искусству и сколь-нибудь организованы, и в этом была вина самого наследника. Его самонадеянность и убежденность в том, что персы – лучшие в мире воины, застигло его глаза и помешало всерьез отнестись к выучке воинства. И состязания это показали. Вышедший потягаться с персидскими воинами русский солдат Максим одним ударом перешиб чучело, в стрельбе по яйцам также одержал верх. Это демонстрация готовности русских к войне и нешуточности их намерений.

После русско-персидской войны к России отошло Карабахское ханство. И теперь Персия старается любыми путями вернуть свои искон-

ные земли. Не доводя вопрос до паши, с Ермоловым встречаются Аббас-Мирза и визирь паши Абдул-Вахаб. Оба изо всех сил стараются выведать планы Ермолова и скрытые цели приезда. Пытаясь разговорить посла, Аббас-Мирза хитрит: «Слышал я, что карабахцы ликуют, якобы император обещал вернуть Карабах Персии». На это Ермолов отвечает, будто ничего об этом не знает, а слышал одно: жители Бакинского и Карабахского ханств предпочитают оставаться под защитой Российской империи. Аббасу-Мирзе такой ответ, конечно, не по нраву.

Во время приема, устроенного персами, армяне подали послу каравай. Разрезая хлеб, Ермолов обнаружил внутри бумагу. Это оказалось прошение армян к русскому послу. Армяне жаловались на трудную жизнь, притеснения и физическое насилие со стороны персов, и просили разрешения переехать в Россию, для этого получить разрешения у шаха. Они наделись на лучшую долю и покой, если покинут пределы этой страны, где царит беззаконие и бесчеловечность, и вернуться на свои земли под защитой России.

Здесь следует отметить, что фамилия «Ермолов» имеет армянские корни. Адыгское «ермэлы» означает «армянин». К тому же Россия на тот период охотно оказывала поддержку единоверцам.

Во второй вариант романа не попала также шестая часть четырнадцатой главы [с.с.344-357].

Вручив выкованный кинжал Батоко, Дабеч исчезает из аула. Рожденный крепостным, он никогда не считал себя несвободным. «Молва твердит, что бывают хорошие, добрые князья, найду такого и попрошусь к нему», – таково намерение Дабеча. Он встречает Атажукинско-го крепостного, возвращающегося из леса, и тот жалуется на своего господина. Далее крепостной чабан рассказывает Дабеку, до чего жесток и бесчестен князь Касболат Джиляхстанов. Не найдя подходящего князя, вошел Дабеч в осетинский аул. За его околицей встретил охранника моста Тебо, и тот посоветовал ему перейти на тот берег и близ моста поставить кузню. Землю по той стороне Терека вот уже двадцать лет как выкупили русские, и препятствий Дабеку не мог чинить никто. Путникам будет помощь – мало ли что в пути понадобится – у кого телега сломается, кому коня подковать. Соорудил Дабеч из камня добрую кузницу, а

через два года прибыл туда русский Потапов со своими людьми строить новый мост. Оказался тут и Ермолов и застал сцену: князь Кубатий не пропускает купца Карпа Кузьмича через мост. У него на руках бумага, перешедшая к нему от деда, с подписью генерала Бекетова. По ней он имеет право не пропускать через мост ни одной души без взимания пошлины. Генерал взял бумагу, прочитал, разорвал и бросил в реку, сказав, что она уже утратила силу. Так Ермолов открыл путь по мосту, и Дабеч перевел через Терек первого беспошлинного путника Карпа Кузьмича.

В новую книгу не попала и 16 глава первого варианта [с.с.366-374]. Двое всадников прибывают в некий аул издалека. Можно предположить, что это дагестанский аул. «Всадники пробирались по узким извилистым улочкам. Аул располагался на высокой горе. На крыше одного дома мостился другой дом, и так аул карабкался все выше и выше вместе с самой горой. Это был настоящий высокогорный аул». Гостями были Билял и Шех-Али-Хан. Направлялись они к старому Сулейману в поисках грузинского царевича Александра. По приказу персидского визиря Абдул-Вахаба Шех-Али-Хан вез ему секретную бумагу.

Сулейман на первых порах отказывается признать, что знает Александра, он даже клянется под нажимом Биляла. Но Шех-Али-Хан уверяет его, что Абдул-Вахаб прислал сыну царя Грузии дуа, то есть амулет-оберег от измучившей его лихорадки. Тогда бедный старик сознается, что дал ложную клятву. Царевич прятался в сыром подземелье. Когда его разбудили незнакомцы, он задрожал от страха.

Александр не и пятидесяти, но выглядит он дряхлым стариком по причине беспорядочного образа жизни и вечной бессмысленной борьбы. Шех-Али-Хан и Билял полагали, что увидят достойного мужчину в расцвете сил, богатого и смелого, в окружении могущественной охраны, лежащего в шелку и бархате. «Но перед ними был обычный, запуганный человек, каких горцы и за мужчину не почитали». Александр разворачивает доставленный дуа и читает. В нем содержалась радостная для него весть. Абдул-Вахаб и Аббас-Мирза обещали собрать рать, если им щедро заплатят, а самому же Александру предлагалось вместе с горцами

нагрянуть в Грузию, разгромить русских и затем напасть на Карабахские посты.

Соратники Александра – грузинские князья и горцы – покинули его, разуверившись в успехе затеи. Теперь он рассчитывает собрать войско с помощью мюридов Кази-Мухамеда.

Александр был младшим сыном картлинско-кахетинского царя Ираклия Второго. После смерти отца на трон взошел старший сын Георгий. Он подал русскому императору Павлу прошение о том, чтобы после его, Георгия, смерти на трон был возведен его сын Давид, служивший в российской армии в чине генерал-майора. Судьба грузинского трона решалась исключительно волей российского императора. Грузия была в составе России. На протяжении многих лет Александр вместе с персидскими и турецкими армиями вел войну с Россией и Грузией, надеясь мечом вернуть себе трон. Но все бессмысленно. Сам главнокомандующий Ртищев пишет Александру письмо с предложением сдаться в обмен на солидное содержание и чин генерал-майора российской армии. «Ого, недешево оценили картлинского царевича русские, видать, он того стоит», – говорили некоторые [3, 74].

Необходимость всестороннего исследования процессов становления и развития жанра адыгского исторического романа остается важ-

нейшей проблемой современных исследователей. В связи с этим требуют серьезного рассмотрения вопросы, связанные с идейно-художественными функциями романа, проблемы связи фольклора и современного литературного процесса; выявления соотношения исторического факта и вымысла в произведениях этого жанра и т.д.

Наглядным примером удачной художественной интерпретации исторической действительности в адыгском историческом романе является роман-тетралогия А. Шортанова «Горцы» (1954; 1976; 1985; 1988).

Примечания:

1. Бейтуганов С.Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик, 1998. С. 560.
2. Пасецкий В.М. Адольф Яковлевич Купфер. М., 1984. С. 207.
3. Шортэн А.ТІ. Бгырысхэр. Налшык, 1954. С. 496.
4. Шортэн А.ТІ. Бгырысхэр (япэ тхыть) Налшык, 1978. С. 376.
5. Къардэн Ч.Э. Къэбэрдей пщы къудамэхэм я тхыдэ. Налшык, 1997. С. 477.
6. Хакуашев А.Х. Адыгские просветители. Нальчик, 1978. С. 258.
7. Абазэ А.Ч. Къэбэрдей тхаклуэхэр. Налшык, 1999. С. 92-101.